

С.А. Осокина

Алтайский государственный университет

**Интертекстуальная природа тезауруса
(лингвистический аспект)**

Аннотация: В статье разрабатывается концепция тезауруса как вербальной сети, состоящей из устойчивых сочетаний слов, являющихся проявлениями интертекста на языковом уровне. В основе концепции лежит философская парадигма постмодернизма, тезаурусные исследования ряда гуманитарных и естественных наук, а также идеи когнитивной и коммуникативной лингвистики. В результате анализа произведений классической литературы и данных словарей делается вывод об интертекстуальной природе тезауруса.

The article suggests that the language thesaurus is a verbal net consisting of set collocations which can be viewed as intertextual phenomena. The given conception is built on the philosophy of post-modernism, a number of studies in the sphere of humanities and sciences, as well as cognitive and communicative linguistics. The results of the comparative analysis of classical literature texts and dictionaries of associations and collocations provide the evidence that the thesaurus is almost completely intertextual by nature.

Ключевые слова: интертекст, тезаурус, устойчивое сочетание слов.

Intertext, thesaurus, set collocation of words.

УДК: 881.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366376. E-mail: osa051175@mail.ru.

Понятие тезауруса в настоящее время активно разрабатывается рядом естественных и гуманитарных наук. Так, в информатике под тезаурусом понимается вербализованная совокупность представлений о мире [Шрейдер, Шаров, 1982, с. 119]; в синергетике – информация, необходимая для рецепции поступающей информации и для генерации новой информации [Чернавский, 2004, с. 21]; в литературоведении – персональная картина мира писателя [Есин, 2005, с. 8]; в социологии и культурологии – некий «фильтр», который лежит в основе восприятия культуры и социального конструирования реальности и обеспечивает взаимодействие познающего субъекта с миром в процессе диалога [Луковы, 2005, с. 3–5]. Представители разных наук подчеркивают особые свойства тезауруса, но так или иначе под тезаурусом в целом подразумевается вербализованная (соотносимая со словами) система, необходимая для понимания и продуцирования информации, т.е. для осуществления успешной коммуникации.

В лингвистике проблемы понимания и производства информации исследуются в настоящее время преимущественно в когнитивном ключе. Поэтому на первом плане оказываются понятия «концепт» и «картина мира»; понятие «тезаурус», позаимствованное другими науками именно из лингвистики, в основном связывается с представлениями об особом типе идеографических словарей, и поэтому не является широко используемым при изучении проблем коммуникации.

В целом, понятие «тезаурус» не чуждо когнитивной лингвистике, однако, учитывая высокую эвристическую ценность, приписываемую ему представителями других наук, оно должно занять более прочное место в современной лингвистической парадигме. Мы полагаем, что тезаурусный подход к исследованию языковых явлений позволяет лингвистике не только вписаться в широкий круг междисциплинарных исследований, предлагающих качественно иное видение проблем коммуникации – проблем первостепенной важности для современного общества – но и является закономерным моментом развития лингвистического знания в условиях господства методологии постмодернизма.

Парадигмально значимой для философии постмодернизма является предложенная Ю. Кристевой концепция интертекста, предполагающая, что понимание чужого текста и порождение собственного нового текста происходит на основе уже имеющихся текстов, знакомых автору и читателю [Кристева, 2004]. С коммуникативно-информационных позиций эта идея выражается так: понимание входящей информации и продуцирование новой осуществляется на основе уже известной реципиенту и отправителю информации.

Исследование феномена интертекста неизбежно приводит к возникновению идеи интертекстуальности как общего свойства всех текстов, проявляющегося в наличии связей между ними, благодаря которым один текст в явной или скрытой форме отсылает к какому-либо другому тексту. Мы считаем, что в основе изучения процессов понимания и продуцирования словесной информации также должно лежать представление об интертекстуальности всех сообщений, поскольку последние есть не что иное как тексты.

Тезаурусный подход является наиболее удачным для изучения интертекстуальности словесной информации, поскольку именно с понятием тезауруса изначально соотносится представление о системе связей между словами. Однако если в традиционной лингвистике тезаурус рассматривается как система семантических связей, обусловленных значениями слов, то мы поддерживаем идею, что тезаурус представляет собой систему связей слов, развивающуюся в процессе коммуникации человека с другими людьми посредством текстов. Следовательно, связи слов, откладывающиеся в тезаурусе, и складывающиеся в систему, происходят из тех текстов, которыми человек оперирует (воспринимает и производит) в процессе коммуникации. Соответственно, эти связи суть интертекстуальны. В подтверждение данных слов предлагается лингвистический анализ, доказывающий интертекстуальную природу словесных связей, формирующих тезаурус отдельного человека и языка в целом.

Особенностью анализа, делающей его подлинно языковедческим, является обращение к использованию языковых единиц в качестве операциональных единиц анализа, а также работа с проявлениями интертекста как системных языковых образований, а не работа с конкретным текстом определенного автора.

Для проведения анализа принципиально важно определить, что является единицей тезауруса. Поскольку тезаурус предстает как система связей между словами, нелогично было бы считать единицей тезауруса отдельное слово – единицей тезауруса должно быть слово, взятое в аспекте его связей с другими словами. Мы выдвигаем идею, что такой единицей может быть признано устойчивое сочетание слов в широком понимании.

Истоки разрабатываемой концепции лежат в трудах современных исследователей, а также более ранних работах, связанных с осмыслением языковой сущности тезауруса.

Среди лингвистических работ наиболее значимое место понятию «тезаурус» уделяется в трудах Ю.Н. Караулова. Обращение к данному понятию вызвано общей неудовлетворенностью способами изучения и описания системы лексики в лингвистике. Караулов подчеркивает мысль, что тезаурус – это не просто словарь, в котором обозначены семантические связи слов, но иначе понятая система

лексики: это лексика, вписанная в грамматику языка. Четко формулируется мысль, что слова языка складываются в стабильную вербальную сеть – тезаурус – только при учете их синтаксических свойств наравне с лексическими [Караулов, 1981]. Лексические и синтаксические свойства отдельного слова можно наблюдать только в синтагме, т.е. в сочетании данного слова с другими словами. Книга Ю.Н. Караулова предоставляет достаточные основания для возникновения идеи, что структурной единицей тезауруса целесообразно признать не отдельное слово, а сочетание слов.

В работе о языковой личности Караулов называет тезаурусом ее лингво-когнитивный уровень, или индивидуальную картину мира. Тезаурус можно рассматривать как центральное звено языковой личности, связующее, с одной стороны, элементарные (повседневные) языковые знания человека (низший уровень языковой личности), с другой – языковые знания, накопленные из текстов культуры (высший уровень). В качестве примеров организации слов на каждом из трех уровней приводятся последовательности слов, выступающие языковыми стереотипами: на низшем уровне такими стереотипами являются обыденные сочетания, например, *ехать на троллейбусе, пойти в кино*; на тезаурусном – обобщающие высказывания, например, *Кому много дано – тот не может быть счастлив*; на высшем – прецедентные тексты, например, *И какой же русский не любит быстрой езды* [Караулов, 2007, с. 52–53].

Очевидно, выделение соответствующих стереотипов обусловлено представлениями о единицах коммуникативно-языкового опыта человека, однако критерии оценивания выражения как стереотипа того или иного уровня не могут быть четкими: с одной стороны, прецедентным культурным текстом может выступать и сочетание из двух слов, которое человек использует в речи, не зная, что у этого выражения есть конкретный автор, а с другой – и обыденные сочетания являются выученными в процессе общения с другими людьми, т.е. тоже могут быть признаны прецедентными текстами.

Мысль о том, что все последовательности слов, которыми человек оперирует в речи, независимо от источника их происхождения, формы и содержания, обладают одним общим свойством – свойством представлять собой эмпирические факты языка – подчеркивается в концепции языкового существования Б.М. Гаспарова. Эта концепция органично развивает идеи когнитивной и коммуникативной лингвистики, но вместе с тем стоит особняком на их фоне, поскольку переносит акцент с моделирования когнитивных процессов в акте коммуникации (чему посвящено большинство работ в русле коммуникативного ответвления когнитивной лингвистики) на изучение эмпирически доступной материи языка.

Упоминая труды Ю. Кристевой и Ю.Н. Караулова в числе источников своей концепции, Гаспаров пишет: «Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из когнломерата нашей памяти» [Гаспаров, 1996, с. 14]. Продуцирование речи и ее понимание строится на основе воспроизведения фрагментов «знакомых» последовательностей слов, ранее слышимых в чужой речи или употребляемых в собственной, и являющихся поэтому эмпирическими языковыми единицами. Гаспаров называет их «коммуникативными фрагментами», и они в большей степени претендуют на статус единиц языка (вне сосюрковского разделения на язык и речь), поскольку являются «первичными единицами владения языком» [Там же, с. 116] и «непосредственно узнаваемыми единицами языковой материи» [Там же, с. 123].

Концепция Б.М. Гаспарова обосновывает факт существования воспроизводимых устойчивых последовательностей слов и подчеркивает их материальную сущность. Хотя акцент ставится на коммуникативную природу «узнаваемых единиц языковой материи», нельзя не заметить их интертекстуальную сущность, ведь они представляют собой цитаты из уже отложившихся в языковом опыте человека текстов.

Данная мысль согласуется с идеей Р. Барта, что эмпирические последовательности слов выступают в роли своего рода интертекстуального кода. Поскольку логика выделения единиц этого кода может быть только одна – это «логика уже сделанного, уже читанного» [Барт, 2001, с. 44], интертекстуальные последовательности, о которых говорил Р. Барт, вполне соотносимы с «коммуникативными фрагментами» Б. Гаспарова.

Мы полагаем, что эмпирически выделяемые устойчивые сочетания слов можно признать единицами тезауруса языка, в целом, и тезауруса отдельного индивида, в частности. Это положение естественно вытекает из изначального представления о тезаурусе, как о словаре, который «в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [Караулов, 1981, с. 148]. Поскольку основное назначение тезауруса – фиксировать связи между словами, устойчивые воспроизводимые сочетания слов в полной мере являются структурными единицами этой сети.

Признание сочетания слов структурной единицей тезауруса соотносится с представлениями Вал.А. и Вл.А. Луковых о «тезаурусных конструкциях», которые можно сравнить с «корнями слов, принимающими точное значение в сочетании с другими строительными блоками (с префиксами, аффиксами и т.д.). Еще более точное представление о тезаурусных конструкциях дает аналогия с идиомами – устойчивыми фразеологическими оборотами» [Луковы, 2005, с. 5].

В такой интерпретации тезаурус предстает уже не как когнитивная модель и не как словарь, а как объективно существующая языковая данность, проявляющаяся в речевой коммуникации и фиксирующаяся в текстах культуры. Устойчивые сочетания слов, которыми человек с необходимостью пользуется и в устной коммуникации, и при написании текстов, образуют интертекстуальную основу всего говоримого. Продуцируя высказывание, человек произносит устойчивые сочетания слов одно за другим, последовательно складывая их в текст. Соответственно, процедура лингвистического тезаурусного анализа представляет собой обратный процесс – выявление устойчивых сочетаний. То, что они «знакомы», позволяет констатировать, что перед нами интертекстуальный феномен; то, что они воспроизводимы, позволяет считать данные сочетания явлениями языка; то, что они устойчивы, делает их структурными единицами тезауруса.

Таким образом, выявление интертекстуальных свойств тезауруса не обязательно предполагает обращение к изучению конкретного текста, главное – показать, что человеческая речь насквозь интертекстуальна, в том плане, что, произнося высказывание, мы не строим его по определенной модели, а используем уже готовые, «заученные», фрагменты различных текстов, тем самым воспроизводя закрепленные в тезаурусе связи слов.

Мы проделали тезаурусный анализ стихотворных произведений А.С. Пушкина и данных словарей сочетаемости русского языка и ассоциативного тезауруса русского языка, а также произведения английского поэта рубежа XVI–XVII веков Джона Донна.

Схема предлагаемого анализа не возникла произвольно, но нельзя сказать, и что она была специально спланированной. Идея анализа возникла, когда, взяв в руки Русский ассоциативный словарь (РАС), в подзаголовке которого написано «Ассоциативный тезаурус русского языка», мы обнаружили, что абсолютное большинство реакций испытуемых на то или иное слово-стимул представляет собой реакции синтагматического порядка. Иначе говоря, из предлагаемых стимулов и реакций на них легко восстанавливаются сочетания слов, образующие синтагмы. Например, наиболее частотными реакциями на слово *путь* являются *дорога* (89 реакций), *долгий* (56), *домой* (38), *длинный* (31), *далекий* (25), *дальний* (16), *светлый* (11), *в никуда* (10), *к звездам* (8), *тернистый* (6) [РАС, 1994, с. 137]. Из этих реакций можно восстановить устойчивые сочетания *долгий путь*, *путь домой*, *длинный путь*, *светлый путь*, *путь в никуда* и т.д.; наиболее частотная

ассоциация отсылает к словам известной песни *Эх, путь-дорожка фронтовая*, то есть, можно сказать, восстанавливает известный прецедентный текст. Также, можно предположить, что эта реакция связана и с известными строчками М.Ю. Лермонтова *Выхожу один я на **дорогу**; Сквозь туман кремнистый **путь** блестит*. Реакция *тернистый* отсылает к известному сочетанию из Библии – *тернистый путь* – изначально означавшему крестный путь Христа в терновом венке. Так или иначе, каждая из приведенных реакций испытуемых напоминает другие известные высказывания, все восстановленные из данных реакций сочетания слов являются «знакомыми».

Данные русского ассоциативного словаря позволяют сделать вывод, что устойчивые сочетания слов играют важную роль в формировании ментальных связей между словами, поскольку, авторы издания отмечают: «Русский ассоциативный словарь... моделирует вербальную память и языковое сознание “усредненно-го” носителя русского языка» [РАС, 1994, с. 5].

Естественно предположить, что испытуемые выдают синтагматические реакции на слово-стимул в виду того, что именно такие соединения слов неоднократно «прокручивались» в их голове при восприятии и производстве речи, поэтому соединять слова таким образом не просто привычно, это практически доведено до автоматизма. У испытуемых не было задачи строить сочетания со словами-стимулами, единственной установкой эксперимента было зафиксировать слово, первое пришедшее на ум при восприятии слова-стимула. Следовательно, тот факт, что испытуемые, не отдавая себе отчет, выдавали реакции, словно разворачивая сочетание с услышанным словом, говорит о том, что эти сочетания существуют как готовые языковые данности.

Наличие готовых словесных сочетаний поднимает вопрос: откуда они берутся у человека? Ответ очевиден – они заучиваются из того массива прочитанных и услышанных текстов, которые оцениваются как образцы языкового употребления и в дальнейшем культивируются в речи.

В качестве образцов языкового употребления, культивирующих, например, литературную норму языка, выступают произведения классиков. Так, проанализировав приведенные в РАС ассоциации со словом *любовь*, мы предположили, что многие из них должны были быть восприняты «усредненным» носителем русского языка из произведений А.С. Пушкина, стихотворения которого являются обязательным предметом заучивания наизусть в российских школах.

В произведениях А.С. Пушкина часто воспроизводятся сочетания *несчастливая любовь, небесная любовь, безнадежная любовь, безумная любовь, чистая любовь, робкая любовь, письмо любви, стихи любви, таинство любви, пламя любви, мучение любви, блаженство любви* и мн. др. Например, сочетание *чистая любовь* неоднократно употребляется в «Евгении Онегине» и других известных текстах Пушкина:

*Негодование, сожаленье,
Ко благу **чистая любовь**
В нем рано волновали кровь* (Евгений Онегин)

*Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой **чистой любви**!* (Разговор книгопродавца с поэтом)

Можно считать появление подобных сочетаний в произведениях современных авторов интертекстуальным феноменом, восходящим корнями к произведениям Пушкина. Носители русского языка не просто используют сочетания Пушкина как образцы, по которым можно строить собственные сочетания со словом

любовь, а зачастую воспроизводят их в готовом виде, т.е. фактически цитируют Пушкина – в этом суть интертекстуальности обычных высказываний. Конечно, модификации исходных сочетаний возможны и неизбежны, но они, во-первых, и воспринимаются как модификации известных образцов, а во-вторых, и понимаются только благодаря тому, что реципиенту знакомы исходные образцы. Воспроизведение данных сочетаний в речи других носителей русского языка, и в том числе в произведениях литературы, делает данные сочетания достоянием языка: 70% из перечисленных сочетаний зафиксированы в словаре сочетаемости [Словарь сочетаемости слов русского языка, 2002, с. 317–318].

Однако, хотя произведения Пушкина и сыграли важную роль в том, что сочетания со словом *любовь* стали явлениями литературного русского языка, нельзя утверждать, что Пушкин был первым, кто употребил данные сочетания. Анализируя связи слова *любовь* по данным словаря сочетаемости и РАС, мы не могли не заметить, что некоторые из них соотносятся также с сочетаниями, встречающимися в поэзии Дж. Донна, исследованию которых была посвящена наша диссертационная работа 2004 года. Например, по данным обоих словарей можно восстановить сочетания *подлинная любовь*, *чистая любовь*, *пыл любви*, *пылкая любовь*, *святая любовь*, *таинства любви* и др., которые также встречаются в стихотворениях Донна:

*Разбить зеркало – и в нем
Мы сотней обликов мелькнем,
Так и осколки сердца ждут, желают,
Но **подлинной любви** они не знают* (Разбитое сердце).

*Я полагал: **чиста**, как идеал,
Моя **любовь*** (Растущая любовь).

*Восстал из пепла – и живи
Для **таинства любви*** (Канонизация).

Конечно, можно возразить, что в данном случае мы имеем дело с переводами английских произведений на русский язык, и поэтому вполне естественно, что переводчики, носители русского языка, оперируют сочетаниями, отложившимися в их памяти благодаря произведениям русских классиков, нежели сочетаниями, сконструированными Донном.

Однако, и в оригинальных стихотворениях Дж. Донна на английском языке обнаруживаются сочетания, которые имеют практически эквивалентные соответствия в словаре сочетаемости русского языка и РАС. Так, в словарях зафиксированы возможные сочетания *истинная любовь*, *новая любовь*, *любовь умерла*, *узы любви*. В произведениях Донна находим:

*I walk to find **a true love** and I see
That 'tis no woman, that is she,
But must, or more, or less than woman be* (The Primrose).

*But if in my heart, since, there be or shall
New love created be by other men* (Lover's Infiniteness).

*Yet lies not **love dead** here, but here doth sit
Vow'd to this trench, like an anachorit* (Elegy IX, The Autumnal).

*I beg noe ribbond wrought with thine own hands,
To knit our loves in the fantastic strain
Of new-tought youth* (The Token).

Приведенные примеры дают право утверждать наличие своего рода межъязыкового интертекста, складывающегося в тезаурус всей европейской культуры.

Сказанное позволяет более оптимально взглянуть на проблему интертекстуального анализа в целом. Не секрет, что в последнее время значимость интертекстуального анализа несколько преувеличивается, особенно в сфере литературоведения: чрезмерное увлечение поиском вкраплений из чужих текстов приводит к стиранию границы между литературным влиянием одного текста на другой и проявлением языковой необходимости. Последняя состоит в том, что у авторов нет другого выбора, кроме как пользоваться закрепленными в языке последовательностями слов, скрепленными тезаурусными связями, в противном случае они рискуют остаться непонятыми. Иначе говоря, обнаружение в том или ином тексте определенных словесных последовательностей не обязательно означает факт влияния какого-то конкретного текста, это также может быть и фактом проявления сложившихся в языке тезаурусных связей, которые неизбежно передаются от человека к человеку в процессе коммуникации.

Представленные выводы вовсе не означают преуменьшение ценности интертекстуального анализа, напротив, мы полагаем, что они существенно расширяют концепцию интертекста в целом. Тезаурусный анализ языковых явлений позволяет доказать, что природа языка интертекстуальна по своей сути. Взяв за единицу анализа устойчивые последовательности слов, можно доказать, что человеческая речь практически полностью соткана из чужих текстов.

Интертекстуальная природа тезауруса заключается в том, что сам тезаурус как относительно стабильная объективно существующая вербальная сеть состоит из сочетаний, культивирующихся в известных текстах. Единицами тезауруса являются последовательности слов, некогда зафиксированные в текстах культуры (на бытовом уровне – в высказываниях родителей) и передающиеся в ходе словесной коммуникации с определенными модификациями или без них. Так или иначе, мы говорим готовыми известными текстами, имеющимися в тезаурусе, и в этом состоит его интертекстуальная сущность.

Литература

- Барт Р. S/Z. М., 2001.
- Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Есин С.Н. Писательский тезаурус // Тезаурусный анализ мировой культуры. М., 2005. Вып. 2. С. 8–10.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
- Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.
- Луковы – Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры. М., 2005. Вып. 1. С. 3–15.
- Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова.
- Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словарных статей / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 2002.
- Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М., 2004.
- Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. М., 1982.